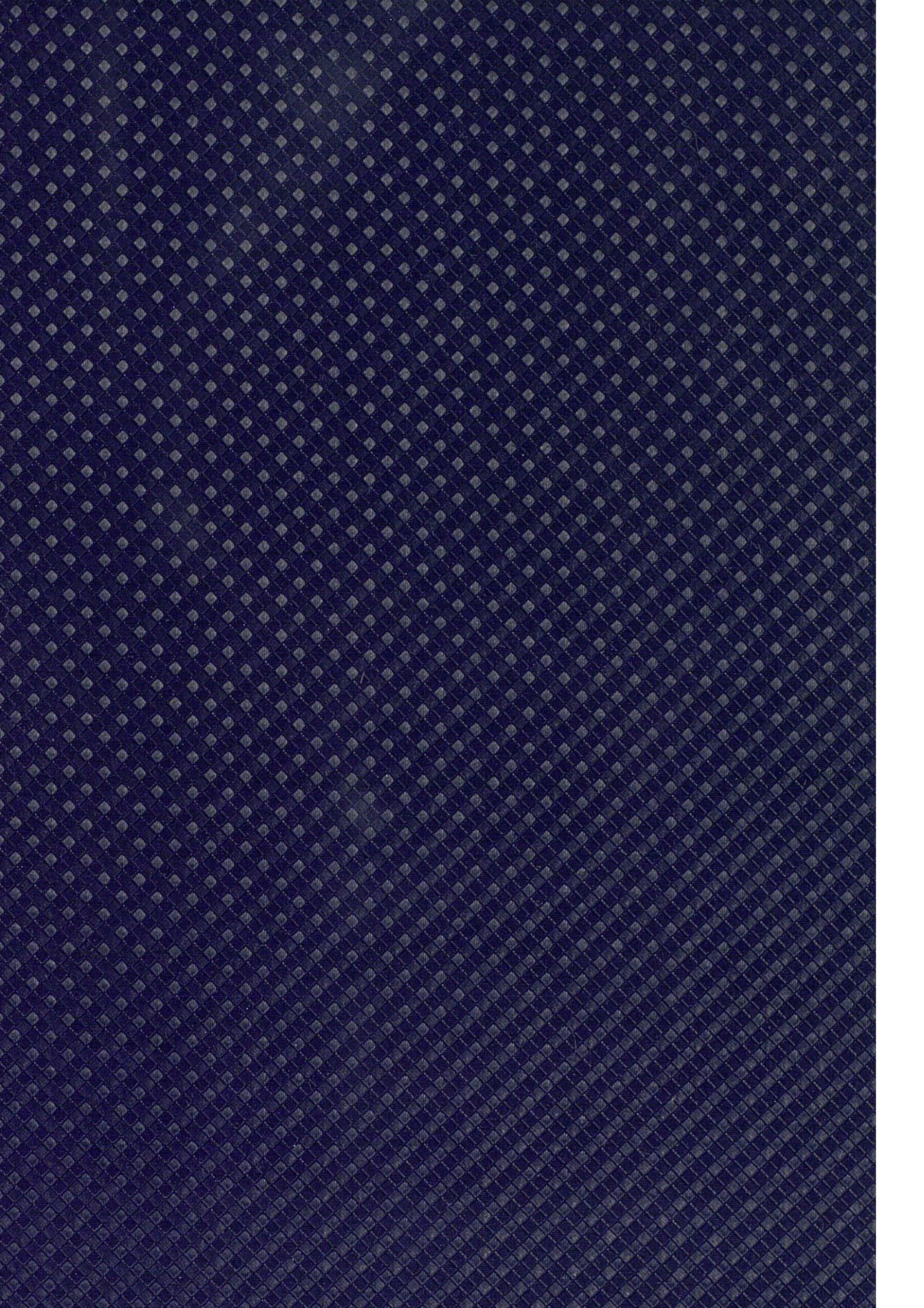

К. ТРУШЪ.

Соловки въ августѣ 1905 г.

Тип. Г. Г. Аралова Москва, Тверская, уг. Леонтьевскаго пер.

Соловки въ августѣ 1905 г.

I.

3 августа 1905 г., съ поѣздомъ московско-ярославско-архангельской ж. д., отходящимъ въ 12 ч. дня, выѣхала изъ Москвы партія въ четыре лица—одинъ паломникъ и три паломницы. Путь ихъ лежалъ черезъ Архангельскъ въ Соловецкій монастырь. Подъ Ростовомъ они любовались озеромъ Неро, которое тянется верстъ на 7, въ Семибратовѣ бросили изъ окна вагона московскія газеты, въ отвѣтъ на просьбы жаждущихъ чтенія. Отъ Ростова къ сѣверу населеніе имѣетъ уже ясно выраженную сѣверо-великорусскую окраску, что въ говорѣ характеризуется *оканіемъ*; отсюда же мѣняется характеръ лѣсной растительности и появляется осина, мѣстами почти сплошная. Въ Ярославль, чисто русскій городъ съ множествомъ церквей, поѣздъ приходитъ часовъ въ 8 вечера. Затѣмъ переѣздъ черезъ городъ и переправа черезъ Волгу на пароходѣ; вокзалъ узкоколейной ярославско-вологодской линіи (Урочь) стоитъ на лѣвомъ берегу Волги, а моста нѣтъ. Отъ Урочи до Архангельска 787 верстъ; почтовый поѣздъ (онъ же и пассажирскій, единственный въ сутки на этой линіи) въ пути до Архангельска около 33 часовъ. Ночью проѣзжаемъ Даниловъ и Грязовецъ, рано утромъ приходимъ въ Вологду. Дальше до Архангельска городовъ нѣтъ, а только станціи—искусственные пункты, вызванные къ жизни желѣзной дорогой. Отъ станціи до станціи приблизительно часъ пути. Названія ихъ по большей части

инородческія: Морженга, Пундуга, Лухтонга, Няндома, Шожма. Одна зовется: Тундра. Отъ Вологды начинается сплошной хвойный лѣсъ, тайга, и стѣной стоитъ по обѣимъ сторонамъ пути, проложеннаго въ просѣкѣ; селеній почти не попадается. Станціонныя зданія выстроены по одному образцу: это деревянныя двухъ-этажныя виллы. Верстъ за 100 до Архангельска начинается тундра съ невысокими березами и елками, кустарникомъ, невспаханными полями и болотами.

1. Архангельскъ—рыбная пристань.

Архангельскъ расположенъ на правомъ берегу Сѣверной Двины, въ 42 верстахъ отъ устья, и тянется узкой и длинной, верстъ на 7, полосой. По переписи 1897 года, въ немъ 21000 жителей. Двина здѣсь широкая, многоводная и оживленная судами (рис. 1). Небольшіе пароходы весело бѣгаютъ по рѣчной глади, поддерживая сообщеніе между обоими берегами и между разными пунктами праваго, населеннаго берега. На центральной площади, въ зданіи городской думы, помѣ-

щается общественная библіотека и музей. Коллекціи музея размѣщены въ трехъ комнатахъ. Онѣ даютъ достаточное представленіе о сѣверномъ краѣ, его населеніи, промыслахъ и бытѣ. Здѣсь есть модели судовъ, плавающихъ по Бѣлому морю и рѣкамъ сѣвера, промысловыя орудія и снасти, чучела рыбъ и птицъ, раковины, шкуры, кожи и издѣлія изъ нихъ, препараты въ спирту; инородческіе амулеты и идолы; модели-землечерпательной машины, салотопеннаго завода, самоѣдской избы и чума; монеты, медали, бумажныя деньги, книги. Есть кресло патріарха Филарета изъ сійскаго монастыря. Вещей Петра I нѣтъ, кромѣ лаптя, который началъ плести и не докончилъ Петръ. Карета Петра есть въ городской управѣ, но хранитель музея самъ не вѣрилъ ея подлинности и отозвался: „достовѣрія нѣтъ". Много вещей пожертвовано А. П. Энгельгардтомъ. Музей открытъ въ будни 10—2, въ праздники 12—3. Въ каѳедральномъ соборѣ есть сосновый крестъ работы Петра, высотой въ 6 аршинъ,—даръ въ память избавленія отъ опасности во время плаванія по Бѣлому морю. На берегу Двины стоитъ домикъ Петра Великаго, перевезенный изъ упраздненной новодвинской крѣпости. Онъ имѣетъ надпись: „дворецъ государя императора Петра I" и помѣщается въ деревянномъ футлярѣ. Комнатъ 5; обстановка не сохранилась. Въ одной изъ комнатъ есть кузнечная печь, у которой работалъ Петръ. Противъ губернаторскаго дома стоитъ памятникъ М. В. Ломоносову, изображающій римлянина въ тогѣ, которому колѣнопреклоненный геній вручаетъ лиру.

Архангельскъ—узловой пунктъ сообщеній по Бѣлому морю. Къ востоку ходятъ пароходы на устье Печоры (Куя) и Новую землю, къ западу обходятъ берега, заходя въ Онегу, Кемь, Кандалакшу, Кузомень, Цыпъ-Наволокъ и до Варангеръ-фіорда. На Соловки можно попасть на пароходахъ мурманскаго пароходства или на монастырскихъ. Мурманскіе—большие океанскіе, съ удоб-

ствами, съ электрическимъ освѣщеніемъ. Монастырскіе гораздо скромнѣе и служатъ не для туристовъ, а для богомольцевъ. Ихъ три: „Вѣра“, „Михаилъ архангелъ“ и „Соловецкій“. Эта „Вѣра“ построена въ 1903 году, а отъ прежней, на которой плавалъ Немировичъ-Данченко, осталась только икона. Рейсы совершаются по мѣрѣ накопленія пассажировъ; каждый рейсъ обходится монастырю рублей около 300. Цѣны проѣзда установлены такія: въ первомъ классѣ 5 р., во второмъ 3 р. и въ третьемъ 1 р. 60 к., съ приплатой за отдѣльныя каюты. Плаваніе монастырскихъ пароходовъ никогда не сопровождалось несчастіями съ людьми. „Соловецкій“ поднимаетъ до 500 человѣкъ, построенъ въ 1881 г. въ Або у Крейтона. Монастырскіе пароходы отходятъ отъ Соловецкой пристани на Соломбалѣ (слобода); тамъ есть монастырская гостиница—сборный пунктъ богомольцевъ, а въ городѣ есть соловецкое подворье.

Пароходъ „Соловецкій“ отходитъ 6 августа въ 2 ч. дня, съ числомъ богомольцевъ не болѣе 150. Съ утра грузятъ въ трюмъ большіе куски бѣлаго камня для монастырскихъ построекъ, и этотъ грузъ дастъ пароходу устойчивость, несмотря на незначительное число пассажировъ. Капитанъ—поморъ или финнъ, вообще инородческой складки, экономъ—распорядитель монахъ, прислуга послушники и трудники. Впервые трудники появляются въ Архангельскѣ на соловецкой пристани и на подворьѣ; они въ длинныхъ сѣрыхъ кафтанахъ и въ монашескихъ шапкахъ. Съ берега провожаютъ пароходъ пожеланіями счастливаго плаванія. Передъ отъѣздомъ молебенъ въ гостиницѣ.

Идемъ Двиной, въ низкихъ берегахъ, мимо лѣсопильныхъ заводовъ, гдѣ круглый годъ жгутъ на открытомъ воздухѣ стружки, за избыткомъ этого матеріала; кое гдѣ виднѣется по берегамъ кустарникъ и мелколѣсье. Направо, вдали показывается плавучій маякъ. Въ 4 ч. 40 м.

сліяніе Двины съ моремъ, и на водной поверхности ясно видна раздѣльная линія, граница свинцово-сѣрой рѣчной воды и темнозеленой морской. Вѣтеръ усиливается и пароходъ равномѣрно покачиваетъ. На гребняхъ невысокихъ, тяжелыхъ на видъ волнъ появляются бѣлые барашки. „Острокрылыя чайки, съ жалкимъ крикомъ налетая по вѣтру изъ далекой воздушной бездны, вздымались, бѣлыя какъ снѣгъ, на сѣромъ облачномъ небѣ, падали круто и, словно перескакивая съ волны на волну, уходили вновь и пропадали серебряными искрами въ полосахъ клубившейся пѣны“ (Тургеневъ въ „Снѣ“). Чайки провожаютъ обыкновенно каждый пароходъ и ловятъ кусочки хлѣба, которые бросаютъ имъ съ кормы. На вопросы пассажировъ, каково будетъ плаваніе, пароходный монахъ говоритъ: „сей годъ особо погодно не было“. Путь отъ Архангельска до островоъ—300 верстъ, 15 часовъ благопріятнаго хода. „Плылъ на кораблѣ архіерей изъ Архангельска города въ Соловки. На томъ же кораблѣ плыли богомольцы къ угодникамъ. Вѣтеръ былъ попутный, погода ясная, не качало. Богомольцы—которые лежали, которые закусывали, которые сидѣли кучками, бесѣдуя другъ съ дружкой“. Впрочемъ эта легенда Толстого тогда никому не припомнилась. Качка заставила почти всѣхъ палубниковъ, и лежащихъ, и закусывающихъ, сойти внизъ. Свѣдующіе люди говорили, что какъ только покажется влѣво маякъ, такъ будетъ тише. Къ вечеру блеснулъ на западѣ, низко на горизонтѣ, маякъ и дѣйствительно стало легче. Настала ночь лунная, серебристая; несмотря на августъ, отсвѣчивали обѣ зари, и закатная и восходная. Часовъ около 5 утра послышались возгласы: „острова показались!“ Мы проходили въ верстѣ или двухъ отъ черной гряды, рѣзко отдѣлявшейся на блѣдно-палевомъ фонѣ ранняго утра. Въ 6 часовъ „Соловецкій“ вошелъ въ монастырскую гавань „благополучія“.

II.

Первыя поселенія на Соловецкихъ островахъ возникли въ XV столѣтіи (Савватій, Германъ, Зосима). Когда здѣсь устроилась иноческая община, природныя условія сразу опредѣлили ея трудовой характеръ. „Иноки рубили дрова, черпали воду изъ моря и варили соль, а сваривъ продавали купцамъ, получая взамѣнъ все нужное монастырю, и въ прочихъ дѣлахъ трудились, и рыбу ловили; такъ отъ своихъ трудовъ они кормились въ потѣ лица“ (древнее житіе Зосимы). Такой же характеръ сохранило соловецкое братство и посейчасъ; измѣнились только частности. Трудно представить себѣ, до какихъ предѣловъ доходили лишенія первыхъ соловецкихъ поселенцевъ, когда напр. Савватій одно время оставался *единственнымъ* жителемъ острововъ, или когда новгородскіе монахи, назначаемые въ игумены новаго монастыря, одинъ за другимъ отказывались и уходили обратно. Однимъ элементомъ соловецкой жизни былъ трудъ, другимъ независимость, создавшаяся на почвѣ правовыхъ и экономическихъ вольностей. Неудача съ пришлыми настоятелями побудила братство просить въ игумены Зосиму, и съ того времени установилось избраніе, а не назначеніе игумена, котораго засимъ утверждалъ царь. Такой игуменъ былъ по большей части мѣстный, свой человѣкъ, и старательно охранялъ мѣстные интересы: улучшалъ условія жизни, обстраивалъ монастырь, добывалъ отъ свѣтскихъ и духовныхъ властей разныя льготы. То экономическое благосостояніе, въ которомъ теперь находится монастырь, достигнуто заботами ряда настоятелей—хозяевъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ по справедливости соловецкому постриженику Филиппу, впослѣдствіи митрополиту московскому. За 18 лѣтъ его настоятельства построены каменныя церкви, проведены дороги, организовано много хозяйственныхъ статей. Въ XVII столѣтіи соловецкій мо-

настырь былъ уже достаточно богатъ, чтобы оказывать помощь на военныя нужды—и онъ жертвовалъ по 2000, 3000 и 10000 рублей. Эта помощь явилась какъ бы расплатой за тѣ пожертвованія, которыя приносили монастырю въ мирное время: цари—землями, люди добраго достатка—деньгами и утварью, простые богомольцы—малыми, но постоянными приношеніями. Рядомъ грамотъ московское правительство подтверждало различныя, достигнутыя въ прежнія времена льготы, освобождало монастырь и его крестьянъ отъ суда и завѣдыванія свѣтской власти во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ убійства, разбоя и воровства. Такъ разные соки питали соловецкую независимость, и были моменты, когда она проявлялась съ особой выразительностью. Въ 1656 году соловецкое братство отказалось принять исправленныя церковныя книги, подавало чрезъ выборныхъ челобитную царю Алексѣю Михайловичу, отклоняло всякія увѣщанія и покорилось только военной силѣ. Это было длительное и серьезное дѣло—съ осадой монастыря, подкопами и рукопашнымъ боемъ внутри стѣнъ; располагая ратными людьми (московскіе стрѣльцы), оружіемъ, пушками и продовольствіемъ, монастырь оказывалъ сопротивленіе семь лѣтъ, и побѣда надъ упорнымъ внутреннимъ врагомъ стоила московскому войску большихъ усилій. Въ 1854 г. въ виду монастыря появился врагъ внѣшній—англичане на двухъ военныхъ судахъ и была бомбардировка, которую очень старые монахи (ихъ въ монастырѣ человѣкъ шесть) еще помнятъ и слѣды которой сохранились. Монастырь не выдалъ непріятелю оружія, не далъ продовольствія и бодро отвѣчалъ на выстрѣлы выстрѣлами.

Но Соловецъ—не крѣпость, а обитель, бравшаяся за мечъ только тогда, когда не было другого выхода. Правда, *соловецкій острогъ* служилъ встарину для охраны сѣверной русской границы, и Соловки были сборнымъ пунктомъ для московскаго войска, откуда оно ходило на шве-

довъ, а поморы находили въ монастырѣ прибѣжище отъ непріятельскихъ набѣговъ. Все это, однакоже, случайныя детали внѣшняго характера. Внутренняя жизнь сѣверорусскаго религіознаго братства слагалась подъ иными вліяніями. Въ ней вѣялъ духъ основателей братства, подвижниковъ Савватія, Германа и Зосимы, духъ строгаго, аскетическаго христіанства, съ его мужественнымъ исполненіемъ долга, съ его глубокимъ нерасположеніемъ къ грѣшному, слабому міру. Недаромъ соловецкій монастырь возрастилъ и воспиталъ митрополита Филиппа и патріарха Никона; зная, какъ они жили и дѣйствовали, можемъ представить себѣ и ту школу, которая ихъ воспитала.

Мы назвали два основные элемента соловецкой жизни: трудъ и независимость. Третьимъ будетъ религіозная идея. Сильна ли она еще въ наше время, продолжаютъ ли Соловки служить школой въ данномъ значеніи? Повидимому, да,—съ тѣми поправками, конечно, которыя внесены сюда исторіей общественной жизни. Было время, когда для общественнаго русскаго сознанія монастырь являлся вещью самой въ себѣ: меньшинство шло туда, въ убѣжденіи, что поступаетъ правильно, большинство смотрѣло на нихъ съ того берега, изъ міра, съ почтительнымъ вниманіемъ. Затѣмъ произошла эволюція, и монастырь, какъ форма общежитія, сталъ нуждаться въ оправданіи. Кто принципіально отрицаетъ эту форму, для тѣхъ соловецкій монастырь, какъ и всякій другой, есть отрицательное явленіе. Но кто признаетъ право людей организовать обособленные религіозные союзы, тотъ признаетъ право на существованіе и за тѣмъ классомъ людей, который называется монашествомъ, и уже по своимъ убѣжденіямъ и вкусамъ обсудитъ, какой типъ монашескаго союза представляется въ общественномъ смыслѣ желательнымъ, и какой нѣтъ. Соловецкій типъ есть религіозно-трудовая община. Уже пятое столѣтіе на исходѣ, какъ люди, ушедшіе отъ обычныхъ жизненныхъ условій, здѣсь молятся и работаютъ,

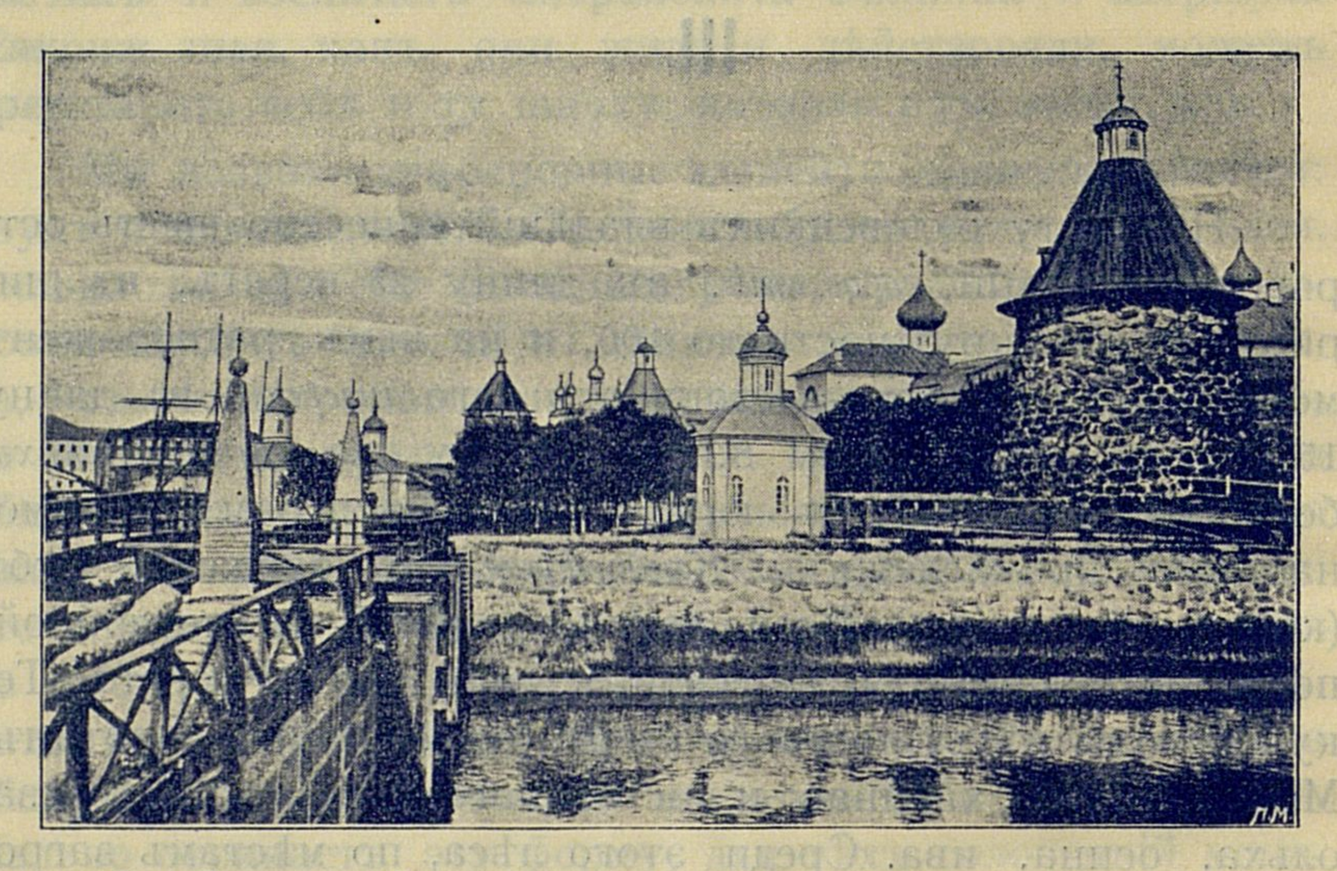
работаютъ и молятся. И оба дѣла въ такой тѣсной связи, что безъ упорнаго труда этотъ суровый край не могъ бы служить для человѣческихъ поселенiй, а безъ религiознаго одушевленiя не удержались бы въ немъ поселенцы. И если забыть на минуту, во имя чего собрались здѣсь и живутъ люди, становится непонятнымъ, какая сила заставила ихъ приложить столько знанiя и труда, чтобы обогатить культурой негостепрiимные острова Бѣлаго моря.

III.

На карту соловецкихъ владѣнiй нанесено шесть острововъ: главный, *соловецкiй*, въ длину 25 верстъ, въ ширину 16, въ окружности до 100, и на немъ расположенъ монастырь; къ сѣверо-востоку отъ него *анзерскiй*, въ длину 15 верстъ, въ ширину 8, къ востоку два *муксаломскихъ*, большой и малый; къ югу два *заячьихъ*. Кромѣ того монастырю принадлежитъ *Кондостровъ* въ онежской губѣ (конда—сѣв. сосна). Всей земли, удобной и неудобной, подъ островами 26017 десятинъ, или 250 □ верстъ. Текучей воды нѣтъ, но много озеръ (болѣе 300) и болотинъ. Много и лѣсу, хвойнаго и лиственнаго—ель, сосна, береза, ольха, осина, ива. Среди этого лѣса, по мѣстамъ загроможденнаго камнями, мимо озеръ и болотъ вьются проложенныя дороги и ведутъ къ скитамъ, часовнямъ и различнымъ хозяйственнымъ пунктамъ.

Монастырь расположенъ на соловецкомъ островѣ и виденъ далеко съ моря. Онъ обнесенъ оградой изъ валуновъ съ добавленiемъ кирпича,—постройка грубая, но прочная, XVI вѣка (рис. 2). По угламъ восемь башенъ, съ

бойницами, и въ одной изъ нихъ арсеналъ-музей. На уровнѣ верхней части ограды, во всю длину ея (509 саж.), идетъ крытый деревянный и довольно ветхій ходъ. Свѣтъ скупо проникаетъ въ него слѣва отъ внутренняго монастырскаго двора, справа—черезъ просвѣты въ стѣнѣ, и по мѣстамъ идешь въ сумракѣ. Внутри ограды соборы, церкви, колокольня и каменныя зданія съ кельями и службами. XVI вѣка соборы Преображенскій и Успенскій, гдѣ есть крестъ изъ моржовыхъ зубовъ съ рѣзьбой, упоминае-

2. Соловецкій монастырь съ южной стороны.

мый въ описи 1514 г., также Николаевская церковь: XVII вѣка церковь Благовѣщенская, XVIII Филипповская, XIX—Троицкій соборъ, съ гробницами первыхъ соловецкихъ подвижниковъ и четвероконечнымъ каменнымъ крестомъ преподобнаго Савватія. Одинъ изъ монастырскихъ корпусовъ до 1898 г. былъ мѣстомъ заключенія ссыльныхъ. Подъ Никольской церковью ризница, богатая церковной стариной. Здѣсь хранятся: грамота на владѣніе соловецкими островами, дан-

ная архіепископомъ новгородскимъ Іоною и боярами ок. 1450 г., съ 8 свинцовыми печатями; грамота 1479 г. великаго князя Ивана III на владѣніе; табель о настоятеляхъ, отъ Савватія до нынѣшняго Іоанникія; двѣ вкладныя записи новгородской посадницы Мароы; грамота Никона 1651 г. о преимуществахъ служенія соловецкихъ архимандритовъ; собственноручныя письма митрополита Филиппа и Димитрія Ростовскаго; рукописныя Евангелія— 1551 г., 1534 г. и даже XIV столѣтія, пергаменное; богослужебная утварь и облаченія, кресты и т. п. Отъ временъ основанія монастыря сохранились: потиръ преп. Зосимы, деревянный съ медальонными изображеніями, каменный колоколъ и клепало. На многихъ предметахъ видимъ имена жертвователей—Ивана Грознаго, патріарховъ Филарета и Іоасафа, митрополита Исидора. Сабля, хранящаяся также въ ризницѣ, принадлежала князю Пожарскому, палашъ князю Скопину-Шуйскому, кружка царю Симеону Бекбулатовичу, впослѣдствіи старцу соловецкому Стефану. Много старыхъ книгъ изъ ризницы и библіотеки переданы въ Казанскую духовную академію.

Богомольцы размѣщаются въ гостиницахъ: Преображенской (лучшая), Петербургской и Архангельской. Отдѣльныхъ помѣщеній не полагается, а монахъ—гостиникъ, руководствуясь долгимъ навыкомъ, распредѣляетъ прибывшихъ практично и безошибочно. Помѣщенія, съ самоварами, безплатныя, но срокъ пребыванія въ монастырѣ ограниченъ тремя сутками, или отъ парохода до парохода, и кто хочетъ жить дольше, долженъ получить согласіе настоятеля. Режимъ довольно строгій: не полагается свѣчей, самовары ограничены опредѣленными часами, но куреніе табаку не воспрещается. При отъѣздѣ опускается пожертвованіе въ кружку.

Монастырскій день начинается въ 3 часа заутренями, за которыми слѣдуютъ обѣдни раннія и позднія. Послѣ позднихъ, часовъ въ 12 съ небольшимъ, монахи и бого-

мольцы идутъ на трапезу. Навыкъ и практичность монаха-трапезника и въ этомъ случаѣ такъ же безошибочно распредѣляетъ народную массу, какъ было въ гостиницахъ, раздѣляетъ мужчинъ на двѣ партіи и одну направляетъ въ нижнюю трапезу, другую въ братскую, а женщинъ въ особую. Разставлены столы, покрыты скатертями и уставлены деревянной и оловянной посудой. Обширная братская трапеза раздѣляется столбами на нѣсколько частей; столбы, стѣны и потолокъ расписаны библейскими сюжетами. Всѣ усаживаются,—монахи за особые столы,—но не начинаютъ, ожидая входа архимандрита. Трапеза начинается молитвою. По звонку архимандрита или намѣстника вбѣгаютъ послушники, вносятъ и перемѣняютъ кушанья, но не посуду, которая остается все та же. Вилокъ и ножей нѣтъ, потому что нечего и рѣзать—всѣ кушанья въ жидкомъ и кашеобразномъ видѣ. Кушаній четыре перемѣны—щи, похлебка, овощи въ разномъ видѣ, каша; квасъ, хлѣбъ черный и бѣлый. Во время трапезы очередной монахъ съ возвышенія читаетъ житіе дневного святого. За столами тишина, и слышно только чтеніе, которое прерывается при каждомъ звонкѣ архимандрита. Трапеза оканчивается молитвою. Помимо трапезы изъ съѣстного можно купить въ монастырѣ хлѣбъ и рыбу.

До 2 часовъ богомольцы осматриваютъ ризницу; часа въ 4 начинаются молебны и панихиды. Установленная плата вносится въ церковную кассу, откуда получается квитокъ и уже этимъ квиткомъ уплачиваютъ іеромонаху за служеніе. Въ 6 часовъ совершаются вечерни, послѣ чего слѣдуетъ ужинъ тѣмъ же порядкомъ, какъ обѣдъ. Въ 10 часовъ монастырскія ворота запираются, кромѣ кануновъ большихъ праздниковъ, когда всенощная длится до 11 и 11 ½ ч. Церковныя службы, когда совершаетъ ихъ архимандритъ, идутъ архіерейскимъ служеніемъ; это привилегія, данная Петромъ I. Соловецкій напѣвъ простой и здѣшніе хоры не знаютъ нотнаго.

Братіи въ Соловецкомъ монастырѣ до 350, послушниковъ 150, трудниковъ, годовиковъ и вольныхъ рабочихъ до 700. По племенному составу это все сѣверяне, изъ губерній архангельской, олонецкой и вологодской, крестьянская Русь. Немировичъ-Данченко называетъ Соловки „крестьянскимъ царствомъ“. Въ говорѣ соловчанъ ясно звучатъ сѣверныя особенности. „Никто-же *знатъ* Отца, токмо Сынъ“—читаетъ въ Евангеліи скитскій монахъ. „Съ тѣма умѣсти пойдитё“—говоритъ монахъ богомольцамъ, отбившимся отъ своей партіи. „Ногамъ боленъ“—жалуется третій. Суровые, такъ сказать запущенные по внѣшности, соловецкіе монахи на самомъ дѣлѣ только серьезны и просты. Къ богомольцамъ они радушны и внимательны. Многіе изъ нихъ начали трудниками и потомъ навсегда остались въ монастырѣ. Монаха отдыхающаго видѣть можно, но празднаго не встрѣчается; всѣ при дѣлѣ

Архимандритъ Іоанникій.

—въ церкви, въ работѣ, за продажей въ монастырской лавкѣ, проводниками при богомольцахъ. Монастырь управляется соборомъ старшей братіи съ архимандритомъ во главѣ и намѣстникомъ въ качествѣ помощника по хозяйственной части. Архимандритъ Іоанникій занимаетъ эту должность съ 1895 года; онъ поморъ—крестьянинъ, въ монастырѣ съ дѣтства, знатокъ соловецкихъ порядковъ, дѣловой человѣкъ и хорошій хозяинъ; былъ трудникомъ и, пройдя всѣ ступени, научился и повиноваться, и повелѣвать. Годовики въ дни своихъ именинъ приносятъ ему заздравныя просфоры, а онъ отдариваетъ ихъ иконами и книгами. Отъ этого обычая вѣетъ глубокой стариной, царемъ Московскимъ и всея Руси и государемъ святѣйшимъ патріархомъ.

Трудники—это подростки, поступившие въ монастырь по своему желанію или по обѣщанію родителей, чтобы

„поработать на Саввατія и Зосиму", обыкновенно урожен-цы сѣверныхъ губерній. Тѣ изъ нихъ, которые ограничи-ваютъ пребываніе въ монастырѣ годовымъ срокомъ, назы-ваются годовиками. Получая отъ монастыря полное со-держаніе, трудники и годовики подчиняются всѣмъ прави-ламъ монастырскаго общежитія, посѣщаютъ церковныя службы, работаютъ и въ свободное время ходятъ въ уст-роенную для нихъ школу церковно-приходскаго типа. Ре-лигіозно настроенныя крестьянскія семьи посылаютъ сво-ихъ мальчиковъ на Соловки, какъ въ школу долга и по-слушанія. Трудничество существуетъ, кажется, и въ дру-гихъ монастыряхъ сѣвера, но въ соловецкомъ ему при-даютъ особое, обязательное значеніе и весьма многія долж-ностныя лица монастыря, начиная съ архимандрита, были въ свое время трудниками.

Весь этотъ личный составъ монастырскаго населенія несетъ на своихъ плечахъ тотъ трудъ, которымъ создались здѣсь промыслы, благоустройство и культурныя условія жизни. Немировичъ-Данченко говоритъ о весьма многихъ отрасляхъ труда на Соловкахъ, называетъ заводы кирпич-ные, гончарные, смолокуренные, судостроеніе и т. п. Те-перь эти отрасли нѣсколько ослабѣли въ ширинѣ и ин-тенсивности. Монастырь работаетъ только на себя,—а ему нужно не особенно многое; притомъ, орудія производства и пріемы слишкомъ просты, чтобы имѣть большое учебно-показательное значеніе. Да и самая идея монашескаго труда нѣсколько иная, чѣмъ мірского. По мысли уста-вовъ религіозно-трудовыхъ общинъ, трудъ обязателенъ, вопервыхъ, затѣмъ, чтобы питаться отъ него, въ потѣ лица ѣсть свой хлѣбъ, и, вовторыхъ, чтобы избѣжать праздности и ея вредныхъ послѣдствій. Качество произ-водствъ въ расчетъ не принимается. Главное, чтобы руки и голова были заняты дѣломъ, и чтобы не ѣсть незарабо-таннаго хлѣба. И вотъ, съ этой спеціальной точки зрѣ-нія, соловецкій трудъ вполнѣ удовлетворяетъ своему на-

значенію. Монастырю нужны суда—устроены доки для ихъ сооруженія и починки. Зимою въ полномъ ходу столярная, слесарная и сапожная. Нужна пища, допускаемая уставомъ—раздѣланы огороды, гдѣ родится и съ трудомъ выращивается рѣпа, рѣдька, картофель, капуста, лукъ и другія овощи. Морошку, бруснику и клюкву производитъ сама почва; малина и смородина, несмотря на тщательный уходъ, едва переносятъ климатъ и прозябаютъ на солнечной сторонѣ въ садахъ. Рожь и ячмень не родятся, и хлѣбъ приходится покупать. Море въ изобиліи доставляетъ рыбу-сельдь, треску, семгу, навагу и проч. Кожу и шкуру для одежи имѣетъ монастырь отъ звѣрья, на котораго устроены правильные промыслы. Словомъ, организованы различныя хозяйственныя отрасли, но лишь въ предѣлахъ монастырскихъ нуждъ. Хозяйственныя постройки смотрятъ удобными и прочными.

Климатъ соловецкихъ острововъ характеризуется въ общемъ суровымъ, какъ и должно быть на такой высокой широтѣ (65^0), но съ поправкой, которую вноситъ уравнивающее вліяніе моря. По даннымъ мѣстной метеорологической станціи, гдѣ есть простые приборы и ведутся записи, средняя температура составляетъ—8^{0}R., съ уклоненіемъ до—25^{0}R; лѣтомъ средняя= + 8^{0}R, но въ жаркіе дни наблюдается и +20^0 R въ тѣни. Преобладающій вѣтеръ сѣверо-восточный (полунощникъ). Бываютъ грозы, но рѣдкія и не сильныя, хотя отмѣчено нѣсколько пожаровъ отъ молніи (1485, 1538, 1701 и 1797 г.г.). Градъ выпадаетъ рѣдко. Наблюдаются иногда сѣверныя сіянія. Землетрясеній не было; въ 1542 году были колебанія почвы на мурманскомъ берегу, не отразившіяся сколько нибудь замѣтно на островахъ. Морскіе приливы ощутительны, и наибольшее возвышеніе воды достигаетъ 5 футовъ. Данныя о климатѣ относятся, главнымъ образомъ, къ южному побережью; сѣверъ гораздо суровѣе. Во всякомъ случаѣ, втеченіе семи мѣсяцевъ въ морѣ ледъ, и правильная

навигація бываетъ лишь съ мая по сентябрь. Когда она кончится, разъ въ мѣсяцъ поморы возятъ почту своими средствами, а во время русско-японской войны возили каждыя двѣ недѣли. Дѣло это очень трудное и опасное: сначала идутъ льдомъ отъ материка, потомъ на карбасахъ, наконецъ льдомъ къ островамъ, которые обмерзаютъ зимой верстъ на 10 кругомъ. Лучшее время въ году на островахъ—іюнь, съ тихими, долгими (до 22 часовъ) днями, бѣлыми ночами и зеркальной гладью моря. Въ августѣ море уже угрюмо и безпокойно, а на островахъ дожди, начинается осень. Снѣгъ можно видѣть въ лѣсу и въ іюнѣ, особенно на анзерскомъ островѣ. Климатъ, въ общемъ, здоровый. Изъ болѣзней отмѣчены: тифъ, по большей части съ благополучнымъ исходомъ, цынга, ревматизмъ, заболѣванія простуднаго характера и травматическія поврежденія, полученныя во время работъ. Чахотки и холеры никогда не наблюдалось. По выраженію одного монаха, „болѣзни приносятся изъ міра,“—что, конечно, справедливо лишь отчасти. Въ монастырѣ есть больница съ врачемъ на правахъ уѣзднаго и фельдшеромъ—монахомъ.

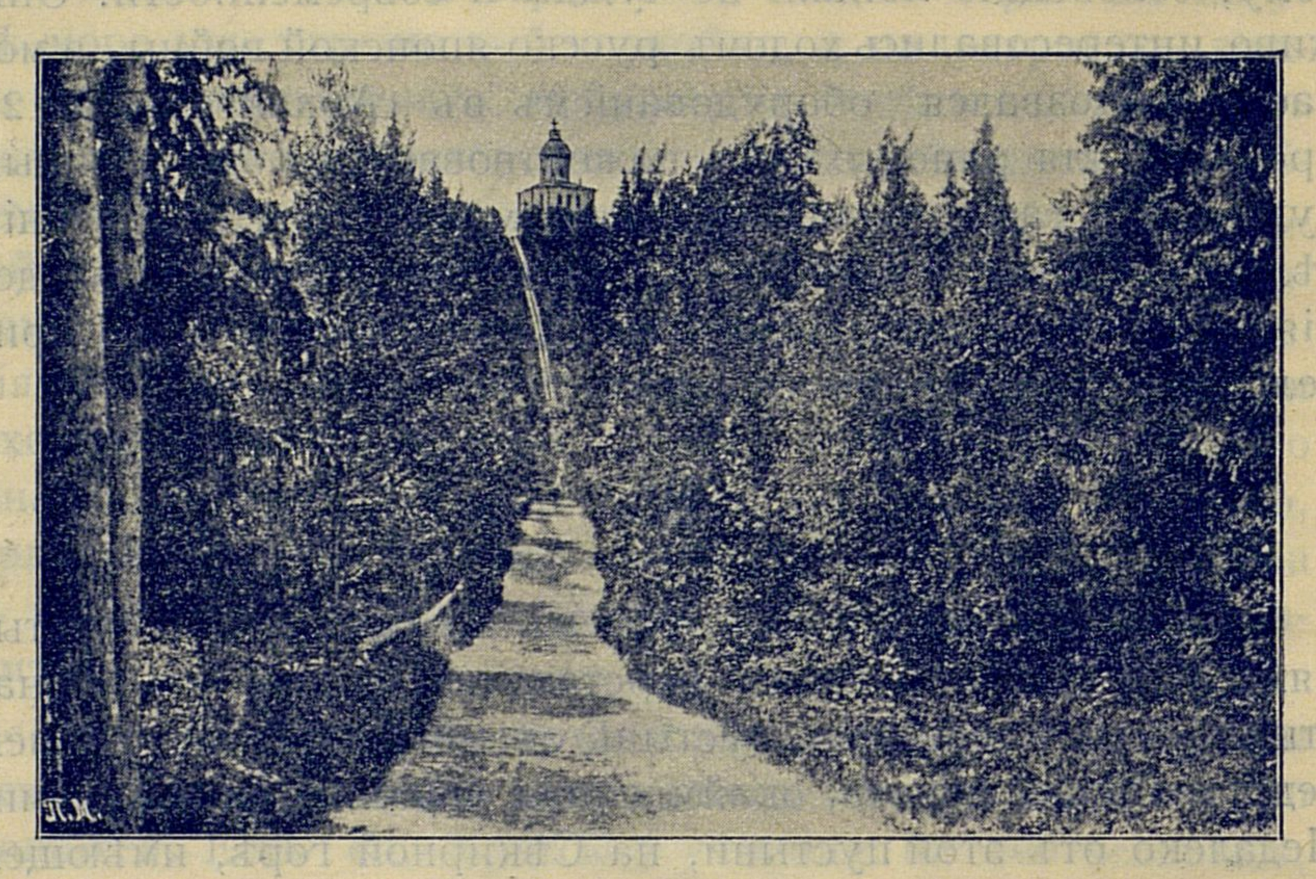
Изъ просвѣтительныхъ соловецкихъ учрежденій мы назвали выше училище для годовиковъ; въ немъ до 200 учащихся. Есть еще братское училище на 100 человѣкъ, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, по типу приближающееся къ духовному училищу; есть иконописная мастерская, но небольшія иконы, которыя пріобрѣтаютъ себѣ богомольцы, не соловецкаго, а московскаго дѣла и притомъ массоваго производства (Бонакеръ). Соловецкія изданія печатаются внѣ монастыря. „Путеводитель по соловецкимъ островамъ“, очень краткій, безъ имени составителя, изданъ въ СПБ. 1900 г., „Двукратное посѣщеніе Петромъ Великимъ“—въ Архангельскѣ 1902 г., „Описаніе обороны 1854 г.“ тамъ же 1905 г. Но прошлое монастыря вспоминается не по однимъ книгамъ. На островахъ много крестовъ съ надпися-

ми, указывающими поводъ къ постановкѣ того или другого креста, имя, цифровую дату. Въ монастырскихъ воротахъ висятъ двѣ модели судовъ Петра I, а въ память двухъ посѣщеній его 1694 и 1702 г. г. построена часовня. Событія 1854 г. отмѣчены пирамидой изъ ядеръ, патріотическими надписями въ крытомъ ходѣ, ядромъ въ стѣнѣ и черными кружками въ тѣхъ мѣстахъ зданій, куда попадали непріятельскіе снаряды. Бережливые къ своему прошлому, соловецкіе монахи не чужды и современности. Они живо интересовались ходомъ русско-японской войны, а монастырь отозвался оборудованіемъ въ Архангельскѣ 25 кроватей для раненыхъ и пожертвованіями на военныя нужды. Въ газетахъ интересовали монаховъ и внутреннія дѣла, особенно волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и то броженіе общественныхъ силъ, которое привело къ октябрьскимъ событіямъ 1905 года.

IV.

Осмотрѣвъ монастырь, ѣдемъ по скитамъ и пустынямъ. На Соловцѣ, въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ монастыря, есть Савватіева пустынь съ 40 монахами; къ ней ведетъ лѣсная дорога, окаймленная огромными валунами. Недалеко отъ этой пустыни, на Сѣкирной горѣ, имѣющей высоты 350 футовъ, расположенъ Спасо-Вознесенскій скитъ. Съ Сѣкирной горой соединяется такое преданіе. Здѣсь поселились Савватій и Германъ, когда прибыли на Соловецъ. Узнали мурманскіе рыбаки, что на островѣ стали жить постоянные поселенцы, и послали туда же отъ себя одну семью, чтобы она ознакомилась съ мѣстностью и, такъ сказать, начала колонизацію края. Но женѣ одного изъ рыбаковъ явились „два свѣтлые мужа“ и, угрожая огненными *сѣкирами*, строго запретили рыбакамъ основываться на островахъ, предназначенныхъ для монашествующихъ. Тогда рыбаки оставили Соловецъ и болѣе

на немъ не появлялись. Снизу, изъ лѣса, ведетъ на гору деревянная лѣстница съ 250 ступенями; на верхней площади церковь архангела Михаила, а надъ куполомъ, на высотѣ 410 футовъ, маякъ съ керосиновымъ освѣщенiемъ. Скитскому монаху поручено смотрѣть за маякомъ и поддерживать огонь. На высотѣ, при постоянномъ вѣтрѣ, время отъ времени обходитъ онъ маякъ по узкой круговой дорожкѣ надъ пропастью, держась за скобки (перилъ нѣтъ),

4. Сѣкирная гора.

и вытираетъ стекла. Видъ изъ маяка великолѣпный: вдали монастырь, бѣгутъ линiи дорогъ, блестятъ озера, густосинее море сливается на горизонтѣ съ небомъ и темной полосой маячитъ твердая земля-кемскiй берегъ, видный за 35 верстъ (рис. 4).

Верстахъ въ десяти къ востоку отъ монастыря лежитъ Большая Муксальма (*сальма* значитъ островъ); тамъ монастырская ферма. Муксальма была раньше отдѣльнымъ островомъ, но уже въ XVI столѣтiи монахи соединили ее съ

Соловцомъ посредствомъ плотины очень простого и въ то же время очень прочнаго устройства: проливъ, раздѣлявшій оба острова, они завалили на протяженіи полутора верстъ валунами и положили поверхъ песку и щебню. Этотъ „каменный мостъ“ (какъ онъ обозначенъ на картѣ), при небольшомъ ремонтѣ, круглый годъ обслуживаетъ пѣшее и конное сообщеніе между Соловцомъ и Муксальмой. Море здѣсь глубиною до 5 саженъ и вода, по крайней мѣрѣ у берега, не горькосоленая на вкусъ, а просто соленая. Въ скиту на Муксальмѣ живутъ 15 монаховъ. Хозяйственныя постройки смотрятъ прочно и чисто, рогатый скотъ (70 коровъ) крупный, пріемы хозяйства несложные. Нигдѣ на островахъ нѣтъ такого обилія валуновъ, какъ на Муксальмѣ; они лежатъ и отдѣльно, и грядами, и кучами. „Кажется, они сошлись туда для тайнаго совѣщанія“ (Тургеневъ, „Бѣжинъ лугъ“)—и на ихъ серьезныя, молчаливыя рѣчи неутомимое море отвѣчаетъ своимъ прибоемъ. Къ югу отъ Большой Муксальмы лежитъ Малая; тамъ есть часовня и при ней живутъ три монаха.

На анзерскій островъ ѣздятъ такъ: изъ монастыря дорогой на сѣверъ Соловца до урочища Реболда, что составляетъ 14 верстъ, потомъ переправа на карбасахъ въ восточномъ направленіи, черезъ проливъ шириной $4^3/_4$ версты, до Кеньги на анзерскомъ острову. Въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Кеньги находится Троицкій скитъ и въ 7 верстахъ Голгоѳскій. Суровый сѣверъ выраженъ здѣсь рѣзкими чертами. Низко стелется по землѣ береза, тонка и невысока ель, море дышитъ холодомъ и нерѣдко среди лѣта выпадаетъ снѣгъ. Въ скитахъ круглый годъ топятъ печи. Гора, на которой расположенъ Голгоѳскій скитъ, имѣетъ 600 футовъ высоты и видна съ моря верстъ за 50; на ней всегда вѣтеръ, хотя бы у подножія и на морѣ была полная тишь. Съ суровой природой гармонируетъ суровый уставъ Голгоѳскаго скита: здѣсь монахи не имѣютъ собственности и ѣдятъ исключительно растительную пи-

щу, кромѣ двухъ дней въ недѣлю, когда допущены рыба и молоко. Въ скиту не служатъ молебновъ, а только панихиды. Входъ женщинамъ воспрещенъ.

Три дня прошло, и на 9 августа, послѣ трапезы и напутственнаго молебна въ Троицкомъ соборѣ, назначается обратный рейсъ „Соловецкаго“. Уѣзжаютъ двѣ партіи: та, которая направлялась изъ Архангельска 6-го, и предшествующая, задержавшаяся на два дня сверхъ положенія за отсутствіемъ парохода; всего собралось человѣкъ 400. Груза камней уже не было, и живой грузъ служилъ балластомъ. Дни 7, 8 и 9 были сумрачные, безъ солнца, съ перемежающимся дождемъ, и съ балкона Преображенской гостиницы можно было видѣть, какъ волнуется прибой и бѣгаютъ бѣлые барашки. Отплываемъ въ 5 вечера; сейчасъ же начинаетъ покачивать, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе разыгрывается море и крѣпчаетъ вѣтеръ. Къ ночи качка была въ полномъ ходу. Она загнала почти всѣхъ внутрь парохода, уложила людей, гдѣ кому пришлось, и наполнила каюты оханьемъ, стонами и страданіями морской болѣзни. Кажется, всѣ перетерпѣли ее въ той или другой степени, и даже пароходная прислуга, въ которой на этотъ разъ были трудники, впервые совершавшіе морской переѣздъ. Тѣ которые при отъѣздѣ мужественно потребовали самоваръ и рѣшились, наперекоръ стихіямъ, пить чай, должны были оставить эту затѣю, когда ложки, чашки, блюдца—всякіе предметы стали ползать по столу и падать на полъ. Къ 10 часамъ внутри парохода настала томительная тишина, въ которой слышалось прерывистое дыханіе и оханье сотенъ людей, а снаружи ревѣло море, гудѣлъ вѣтеръ, волны разбивались о носъ и захлестывали палубу, и было слышно, какъ послѣ каждой такой волны шумной струей стекала куда то вода. Слышались молитвенные возгласы; нѣсколько голосовъ со стономъ просили молебна. Обратный путь длился 18 часовъ. Утромъ 10-го, около 8, качка стала утихать. Входили въ устье Двины.

Около 11 часовъ пристаемъ къ Соломбалѣ; сильный боковой вѣтеръ даетъ такой кренъ пароходу, что вотъ-вотъ онъ опрокинется. Блѣдно-зеленыя лица пассажировъ появляются изъ каютъ,—и путь водой оконченъ. Предстоитъ еще переправа черезъ Двину, поѣздъ желѣзной дороги, тысяча верстъ до Москвы, но все это кажется уже дѣломъ легкимъ.

Соловецкій монастырь посѣщается, главнымъ образомъ, богомольцами, которыхъ въ годъ перебываетъ до 24000 за навигаціонное время. Помѣщеніе и пища предоставляются отъ монастыря, пароходный тарифъ невысокъ, да, кромѣ того, практикуется и безплатный провозъ совсѣмъ безденежныхъ пассажировъ; репутація монастыря давнишняя и прочно установившаяся; отношеніе монаховъ къ посѣтителямъ доброжелательное. Все это изъ году въ годъ поддерживаетъ приливную волну богомольнаго люда на обычной высотѣ, а приношенія, которыя въ томъ или другомъ размѣрѣ, но каждый посѣтитель обязательно сдѣлаетъ, являются для монастыря солидной доходной статьей. Затѣмъ посѣщаютъ монастырь экскурсанты-воспитанники гимназій, семинарій и другихъ учебныхъ заведеній, преимущественно сѣверяне. Собственно туристъ, т. е. человѣкъ, который ничѣмъ не занятъ и всѣмъ интересуется, здѣсь рѣдокъ. Его доставятъ, правда, съ нѣкоторымъ комфортомъ на мурманскомъ пароходѣ, но на островахъ онъ попадетъ въ общую массу „трудовиковъ“ и не получитъ отъ монастыря никакихъ особыхъ удобствъ. Мы говоримъ, конечно, о рядовомъ туристѣ; въ единичныхъ случаяхъ есть и исключенія. Въ іюнѣ 1903 г. пріѣзжалъ въ Соловецкій монастырь французскій посланникъ Бомпаръ. Стояла чудная погода, море было спокойно. Бомпаръ останавливался въ покояхъ настоятеля, имѣлъ у него столъ изъ лучшихъ даровъ Бѣлаго моря, его возили по островамъ въ экипажѣ архимандрита и все показывали. Передъ отъѣздомъ Бомпаръ высказалъ, что нигдѣ во время сво-

ихъ путешествій онъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ на Соловкахъ, и подарилъ архимандриту свой портретъ съ подписью: A Sa Grandeur **Monseigneur** Ioanniki archimandrite de Solowiets, l'ambassadeur de France son hôte du 13 au 19 juin (v. s.) 1903. M. Bompare. Въ партіи 8—9 августа былъ одинъ туристъ, который прошелъ пѣшкомъ по кольскому берегу и потомъ на мурманскомъ пароходѣ пріѣхалъ на Соловки. Сѣрые дни, монахи да богомольцы, травы да квасъ за трапезой, а главное чайки, эти неугомонныя, безсонныя, прожорливыя чайки произвели на него впечатлѣніе даже болѣе гнетущее, чѣмъ качка обратнаго пути. Онъ искренно радовался, когда отъ этихъ непріятностей могъ отдохнуть въ вагонѣ, и говорилъ, что за всѣ свои путешествія онъ не видѣлъ болѣе скучнаго и утомительнаго мѣста, чѣмъ Соловецкіе острова. Конечно, Соловецъ—мѣсто любительское. Но по отношенію къ чайкѣ туристъ былъ явно несправедливъ: это птица очень интересная. Величиной съ домашняго гуся, опереніемъ бѣлая съ сизыми крыльями, она водится во множествѣ на островахъ, и даже внутри ограды можно найти ея гнѣзда. Прилетаетъ она въ послѣднихъ числахъ марта, а въ половинѣ августа улетаетъ въ море. Птица смѣлая, настойчивая, съ огромнымъ аппетитомъ. Въ крикѣ ея, пронзительномъ и разнообразномъ по выраженію, слышатся членораздѣльные звуки и даже отдѣльныя слова. „Дальше дальше,“ „Куда-куда,“ „лодку-лодку,“ кричитъ она и днемъ, и въ свѣтлыя лѣтнія ночи. Людей она не боится, да и вообще соловецкій звѣрь и птица не пуганые и подпускаютъ человѣка довольно близко. Въ скитахъ зимой монахи даже прикармливаютъ звѣрей и напр. лисицы нерѣдко приходятъ за хлѣбомъ и осторожно берутъ его изъ рукъ. Смѣлость животныхъ объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что на островахъ запрещено стрѣлять.

Жаль, что Соловки мало посѣщаются художниками. Какая масса здѣсь мотивовъ моря, воздуха, свѣта, зелени,

въ разное время дня, похожаго зимою на ночь и ночи, похожей лѣтомъ на день! Въ монастырѣ и въ Архангельскѣ есть большіе альбомы и открытки съ соловецкими видами, но взято не лучшее. На Соловцѣ получилъ первыя художественныя впечатлѣнія А. А. Борисовъ. Родомъ изъ сольвычегодскаго края, изъ крестьянской семьи, Борисовъ былъ посланъ въ монастырь мальчикомъ—годовикомъ, по обѣту; въ немъ замѣтили любовь къ живописи и опредѣлили въ иконописную мастерскую. Работа въ иконописной шла своимъ порядкомъ, а та внутренняя работа, которая превратила впослѣдствіи годовика въ художника съ европейскимъ именемъ—своимъ. Въ 1896 году Борисовъ, уже академикъ, предпринимаетъ поѣздку на Мурманъ и Новую землю и собираетъ на этомъ краю свѣта обильную художественную дань. „Нашъ былъ, и отъ насъ ушелъ", говорятъ о немъ соловецкіе монахи. Тотъ же оттѣнокъ неодобренія, хотя по другимъ причинамъ, звучитъ иногда въ ихъ отзывахъ о Немировичѣ-Данченко, котораго въ Соловкахъ еще живо помнятъ. Повидимому, въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ демонстраціей противоположности между міромъ, который, даже въ лицѣ свѣтлыхъ своихъ представителей, лежитъ, для монашескаго сознанія, во злѣ, и монастыремъ, какъ обителью свѣта для того же сознанія.

Цѣна 20 коп.